

ГЛАВА 1

Сногшибательная новость

Ее звали Людой. Имя было скользкое и хрусткое, как льдинка или карамелька. А еще оно в нынешние времена было довольно экзотичным, потому что девчонок вокруг звали Оксанами, Полинами, Анастасиями и Дарьями. В параллели девярых классов было целых четыре Дианы, три Анжелы, две Кристины, а Людмила — всего лишь одна, именно она — Люда Павлова. Она считала, что имя ей не подходило. Людмила должна быть худенькой и ломкой, как сосулька, а ее фигура напоминала песочные часы, с весьма утяжеленной нижней половиной. А вы только попробуйте представить себе Людмилу, спасенную Русланом, в виде песочных часов, крутобедрой восьмерки с открытки к Женскому дню или, например, шахматной пешки. Что? Не получается? То-то и оно! Под такой и бога-

Светлана ЛУБЕНЕЦ

тырский конь дрогнет! Одно приятно — Черномор не позарится!

Конечно, Люда пыталась бороться с этим «пышным недостатком». Она перепробовала всяческие диеты: яблочно-творожную, овощную, геркулесовую и даже такую, которая включала в себя одну лишь минеральную воду. Ну и что вы думаете? Она худела. И здорово худела. Только отнюдь не в проблемном месте, а всем телом — и проклятые бедра все равно выпирали. С тонкой длинной шеей и поникшими от строгих диет плечами она напоминала себе уже не песочные часы, а унылый немодный бабушкин графин, в котором та держала лечебную серебряную воду. В графине Людиного тела булькала не вода, а горькое разочарование от сознания собственной ущербности. Ей бы жить в каком-нибудь восемнадцатом веке, когда женщины носили платья, утягивающие талию и с огромными пышными юбками на каркасе из китового уса. А куда, скажите, пожалуйста, в двадцать первом веке можно спрятать широкие бедра? Да никуда! Конечно, Люда ходит в джинсах. Без этого сейчас никак, да признаться, в юбках она выглядит еще хуже... Сверху джинсов она всегда вынуждена надевать длинную

Классная любовь

спортивную куртку свободного покроя или объемные удлиненные джемпера со свитерами. А летом? Какой ужас — жить летом! Она не могла позволить себе обтягивающие маленькие футболочки, топики, шортики, мини-юбочки и парилась все в тех же джинсах и длинных, пенсионерского фасона блузках. К подобному наряду, естественно, не подходила модельная обувь на высоком каблуке, и Люда никогда не пробовала ходить в таких туфлях и босоножках. Чаще всего она носила кроссовки. Даже на дискотеки, куда ее одноклассницы являлись разряженными в пух и перья, она приходила в туфлях на низком каблуке и все в тех же длинных блузках, только вместо джинсов надевала шелковые черные брюки. Стоит ли говорить, что на медленные танцы ее никто и никогда не приглашал?

Людмила пыталась уверить себя в том, что все дело именно в ее отвратительной фигуре, но когда прямо перед ее носом Муська Чернова висла на Павлике Румянцеве или Игоре Одинцове, Люде волей-неволей приходилось искать в себе и другие изъяны. Муська Чернова была довольно-таки толстой девчонкой. У нее широкими были не только бедра. Широкой она была вся, но почему-то на предмет

этого совершенно не расстраивалась. Муська носила обтягивающие бежевые джинсы-стретч, и ноги ее при этом представляли собой толстый, слегка покосившийся от тяжести верхней части тела «икс». На дискотеки она приходила в короткой, кислотного малинового цвета майке, из-под которой на джинсы вываливался сливочно-желтый пухлый живот. На всяческие развлекательные мероприятия, на которых девчонки хотят выглядеть особенно красивыми, танкоподобную Муську обычно носили сумасшедшей высоты каблуки. Да и в школу она хаживала в туфлях на неслабых платформах и в узеньком свитерочке, под которым можно было очень легко сосчитать все жировые складки на ее животе. Люда терялась в догадках, почему Чернова, имея такое немодное тело, оставалась необыкновенно жизнерадостной, дружила со всеми парнями в классе, никогда не стояла у стеночки на дискотеках и даже, говорят, уже целовалась с десятиклассником Егоровым. Люда иногда представляла себя в Муськином прикиде и понимала, что никогда не сможет так вырядиться. Все-таки у нее со вкусом все в порядке. Лучше выглядеть скромно и серо, чем по-клоунски смешно.

Классная любовь

...Люда бросила взгляд в зеркальную стену торгового центра, мимо которого проходила. Вот вид сбоку у нее в полном порядке! Одна элегантная французская коса ниже лопаток чего стоит! Только она одна в классе умеет на собственном затылке заплетать такую косу вслепую. Люда иногда делала такую прическу другим девчонкам, но у них коса почему-то не держалась так красиво и ровно, как у нее. Или вот если посмотреть сбоку на ноги, то они выглядят совсем даже не короткими и... вполне... стройными. Но если стать перед зеркалом прямо... Нет, не надо становиться. К чему? Она и так очень хорошо знает, что при этом увидит.

Люда завернула за угол торгового центра, уже не заглядываясь в его зеркала, быстро пробежалась по асфальтовой дорожке к своему дому и юркнула в подъезд. Из соседней квартиры навстречу ей вышел Вова Пономаренко, который учился в параллельном классе. Вова был примерно такой же толщины, как Муська Чернова, но выглядел еще более монументально, потому что был гораздо выше ее ростом.

— Здорово, — весьма невнятно пробубнил

Пономаренко, поскольку рот его был занят бутербродом.

— Все ешь! — вместо приветствия бросила ему Люда и полезла в сумку за ключом. — Скоро в лифт не пролезешь.

— Сколько раз можно говорить, буду я есть или нет — значения не имеет, поскольку моя толщина запрограммирована на генном уровне! — Вова со вкусом проглотил кусок, а оставшуюся часть бутерброда спрятал себе за спину, будто Люда собиралась у него его отобрать.

— Жрать меньше надо! — довольно грубо заметила ему она и вставила ключ в замок. — Хочешь, диету одну дам?

Вова быстро запихнул в рот бутерброд и кивнул, роняя изо рта себе под ноги крошки белого хлеба.

— Ну-ка быстро жуй! — скомандовала девочка, распахнув дверь в квартиру. — Нечего у нас мусорить!

Пономаренко послушно прожевал, зашел в коридор и попросил запить.

— Ну, Вовка! Ты как-нибудь подавишься своими бутербродами, если я не окажусь рядом! — рассмеялась Люда и принесла ему из

Классная любовь

кухни стакан компота и сложенный пополам листок из тетради в клеточку.

— Да на такой диете в два дня ноги протянешь! — возмутился Пономаренко, прочитав список продуктов, состоящий из двух наименований, и в один глоток осушил стакан.

— Красота, Владимир Сергеевич, требует жертв!

— Ну... Не таких же! Я еще пожить хочу!

— Да ты, Вовка, со своими отложениями, — Люда чувствительно ущипнула его за жирный бок, — можешь месяц вообще ничего не есть. И не помрешь!

— До чего же ты, Людка, кровожадная! И чего ко мне цепляешься?

— Больно надо мне к тебе цепляться! Иди, куда шел, раз диета не нравится. Я обедать буду! И не смотри на меня завидующими глазами! Тебе не дам!

— Да я вообще-то... обедал уже... И никуда не шел... Так просто вышел... — монотонно бормотал Пономаренко, следя за тем, как Люда достает из холодильника кастрюльки со сковородками.

— Ладно, поняла, — усмехнулась она. — Полтарелки супа налью. У нас сегодня свежие щи. Я знаю, ты любишь. И больше ничего не клянчи!

Светлана ЛУБЕНЕЦ

Обрадованный Пономаренко мгновенно подсел к столу и даже принялся нарезать хлеб.

Они с Людой состояли в близких приятельских отношениях, потому что с рождения жили бок о бок в соседних квартирах. Они лепили куличики в одной песочнице, посещали одну группу детского сада, регулярно ходили друг к другу на дни рождения и даже три первых учебных года провели за одной партой. В пятом классе им пришлось расстаться, потому что все классы их параллели перестроили в другие в зависимости от способностей учащихся. Люда теперь грызла гранит науки в «А» — самом сильном классе с дополнительной физико-математической подготовкой, а Пономаренко — в «Г» — обычном, общеобразовательном. Люда часто решала за Вову задачки по геометрии и физике, примеры по алгебре, помогала с информатикой и даже иногда чертила чертежи. Пономаренко, гуманитарий душой, писал за нее сочинения по литературе, рефераты по истории и иногда переводил английские тексты. Они были довольны друг другом и считали себя почти родственниками.

Когда Вовина тарелка опустела, он сладко зажмурился и сказал:

— Щи у вас, Людка, супер! Моя маман такие не умеет варить. Кастрюлю бы съел!

— И не надейся! — усмехнулась Люда и на всякий случай убрала от него подальше тарелочку с хлебом.

— Да это я так... к слову... Я тебе сейчас за эти щи такую новость скажу: умереть — не встать!

— Да что ты там скажешь! — отмахнулась от него Люда, составляя тарелки в раковину. — Все твои новости у тебя на лице написаны. Небось «четвертак» по физике отхватил? За те задачи, что вчера решали?

— При чем тут физика с дурацкими задачами, когда Сеймура к вам в класс переводят!

— Как это переводят? — удивилась Люда.

— Так это! Для исправления!

Новость, которую так торжественно поведал Пономаренко, действительно оказалась до того сногшибательной, что от нее вполне можно было умереть и не встать.

— Ты хочешь сказать, что Сеймур Исмаилов будет учиться в нашем классе?

— Именно это я тебе уже и сказал!

— Ничего не понимаю... Как же он с нашей математикой справится?

— Ну... не знаю... Как-нибудь справится... А если не справится, может, перестанет выпендриваться! У нас он считает себя самым крутым, а у вас его мигом пообломают! Один Влад Кондратюк чего стоит!

— И все-таки непонятно... Почему его переводят?

— Я же сказал: для исправления! Достал уже всех! Похоже, что на прошлом педсовете решили провести с ним такой педагогический эксперимент.

— А если он не согласится?

— Да кто его будет спрашивать! Не согласится — из школы вообще вышибут!

— Слушай, Вовка, а что он такого сделал, чтобы из школы... ну... как ты говоришь, вышибли?

— Вообще-то не знаю. Только по его персоне даже специальное родительское собрание проводили и что-то там решали, представляешь?

— Ну и что твои родители говорят?

— В том-то и дело, что ничего! Молчат! Рыбами! Говорят — не моего ума дело!

— Ну а ты?

— А я не дурак! Я говорю: если вы мне не скажете, что он натворил, то я по нечаянно-

сти тоже могу такое же сделать, и вы же будете виноваты, что не предупредили!

— А они?

— А они глаза выпучили и сказали, что у меня ума для этого не хватит и повода не будет.

Растерянная, Люда даже забыла, что кормить Пономаренко больше ничем не собиралась. Она навалила ему полную тарелку макарон с сыром, чему он несказанно обрадовался и тут же принялся уплетать их за обе щеки.

— Неужели ничьи родители вашего класса так и не проболтались?

— Представь — ничьи!

— Да что же он мог такого ужасного натворить? — удивилась Люда, вяло ковыряясь в тарелке с макаронами. У нее совершенно пропал аппетит.

Сеймур Исмаилов был очень красивым парнем, с особенной, соответствующей его имени и фамилии восточной внешностью. Он напоминал Люде сказочного сына падишаха или, на худой конец, визиря из «Тысячи и одной ночи». У него были удлинённые, густо-вишневого цвета глаза, прихотливо вырезанные яркие губы, смуглая матовая кожа и шапка иссиня-черных, густых и блестящих

волос до плеч. Все девчонки их параллели сохли по Сеймуру и падали ему под ноги осенними листьями. Исмаилов не обращал на них внимания, не глядя проходил мимо. Рядом с ним ни разу не видели ни одной девчонки. Но они тем не менее надежды пройтись с ним рядышком хотя бы по школе не теряли.

Конкуренцию Сеймуру составлял только вышеупомянутый Людин одноклассник Влад Кондратюк, голубоглазый гигант с темно-каштановыми глянцевыми кудрями. Он тоже нравился многим девчонкам, но яркая экзотичность Исмаилова притягивала больше.

— Ну... Вообще-то у Сеймура отвратительные отношения с нашей классной, Элеонорой, — сказал Пономаренко. — Совершенно непонятно, на какой почве. Они все время цапаются. Кто кого больше ненавидит, я даже тебе и не скажу. Он ей хамит, дерзит и чуть ли не посылает в разные места. Она иногда не выдерживает и тоже срывается. Честно говоря, слушать их обоих противно!

— Подумаешь, с классной не сошелся характерами! Это, Вовка, явление довольно распространенное. Мы от своей Антонины тоже не в восторге! А Румянцев даже клялся, что, как только девять классов закончим, он ей на

выпускном прямо в шампанское мышьяку подсыплет.

— Мышьяк — это ерунда! Детский сад! Где он его достанет? А у нас вот что недавно произошло! Представь, приходит Элеонора на урок и говорит, что все контрольные тетради, в которых мы диктант из РОНО писали, пропали и нам придется диктант переписывать. Мы сначала обрадовались, потому что все ошибки уже обсудили, в учебники посмотрели и явно написали бы лучше. А она заявляет, что текст и задания будут другими. Тут уж мы стали возмущаться и требовать объяснений, куда делись наши тетради.

— Ну! А она?

— А она говорит, что на нее в подъезде напал кто-то... ну... вроде маньяка... И сумку с диктантами отобрал. Представляешь?

— Странные нынче маньяки пошли, — улыбнулась Люда.

— Ну! И мы ей про то! А Исмаилов ядовито так и говорит: «Может, он у вас теперь еще и выкуп требует в размере десяти тысяч кусочков мела?» Мы так и покатались со смеху... А она вся покраснела, закричала, что никто не смеет так с ней разговаривать... И все такое...

— А Исмаилов?

— А Исмаилов возьми да и скажи: «Не верьте ей, ребята! Она наверняка на наши диктанты борщ пролила, а бедному маньяку теперь за нее отдуваться!» Ой! Что тут началось! Элеонора завизжала, чтобы Исмаилов класс покинул и без матери не являлся, а Сеймур с таким понтом вышел, что чуть дверь с петель не снес!

— А диктант переписали?

— Пока нет, но директриса приходила, лекцию о нормах поведения в школе прочитала и сказала, что еще перепишем, как миленькие.

— Может, из-за этого случая Исмаилова и решили перевести к нам?

— Вряд ли. Уж сколько всяких таких случаев было. Я же говорил, они без конца с Элеонорой цапаются. И потом... Он же ничего не сделал. Подумаешь, непочтительно с классной говорил! Сама виновата: тетради куда-то дела, а мы — переписывай! Младенец и тот не поверит про такого припадочного маньяка. По такому поводу не родительские собрания и педсоветы собирать надо, а самой Элеоноре сделать хорошую выволочку! Беречь надо тетради с контрольными! Нам, видите ли, до-

Классная любовь

мой их не дают, чтобы родителям пятерки показать, а учителям почему-то все можно! Зачем диктанты домой тащила? Проверяла бы в школе!

— Наверно, ты в чем-то прав, — согласилась Люда, посмотрела на его пустую тарелку, чуть припорошенную тертым сыром, и покачала головой: — Ну, Вовка, по-моему, ты все-таки опять наелся от пуза! Наверно, специально мне зубы заговаривал, чтобы натрескаться побольше!

— Ничего не специально... Но ты согласишься, что новость стоила какой-то жалкой тарелки макарон!

— Пожалуй.

— Может, она еще и на стаканчик компотика потянет, а?

— Ты уже пил!

— Так это когда было? Надо же запить макароны!

— Ага! Знаю я тебя! Тебе сначала запить, потом заесть, потом снова запить, потом опять заесть!

— Ладно, Людка, не жмись! Все равно уж наелся! Дай компотика, а?

— На! — Она шлепнула на стол перед Пономаренко стакан. — Пей и выметайся! Нам

уроков задали — пропасть! Особенно по физике!

— Люсенька... А ты не могла бы... — вкрадчиво начал Вова, и Люда моментально поняла, что ему надо.

— Люсенька решит тебе физику только в обмен на английский! — строго оборвала его она.

— Заметано! — обрадовался Пономаренко. — Какая страница?

— Посмотри у меня в дневнике и катись отсюда!

Закрыв за Вовой дверь, Люда пошла мыть посуду. Она намылила тарелку и замерла с ней над раковиной. Если все, что сказал Пономаренко, правда, то Исмаилова посадят с ней, потому что в классе больше нет ни одного свободного места. С тех пор, как Вова перешел в другой класс, она уже пятый год сидела за партой одна, к чему давно привыкла. Со всеми девочками класса она находилась в ровных приятельских отношениях, но душевных подруг у нее не было. Это ее несколько не расстраивало. Люда была одиночкой по натуре. Вовы Пономаренко ей вполне хватало, чтобы обсудить школьные дела, телевизионные фильмы, книги, компьютерные

Классная любовь

игры и бесцеремонно выгнать его из квартиры, как только обсуждать ей это надоест.

Она положила недомытую тарелку в раковину и прошла в комнату к зеркалу, роняя с мокрых рук мыльные капли. Ну, вот она — Людмила Павлова, ученица 9-го «А» с физико-математическим уклоном: гладкое невыразительное лицо со светлыми бровями и ресницами и бледным тонким ртом. Она никогда не красилась, с тех пор как, однажды попробовав, показалась себе такой же вульгарной, как Муська Чернова. Далее идут узкие покаты плечи, которые, возможно, хороши были бы для декольтированных платьев все того же восемнадцатого века, но никак не для современных футболок, топов и спортивных курток. Что касается талии, то она, довольно тонкая, была бы хороша, если бы за ней следовали узкие бедра. Поскольку бедра были, как уже говорилось выше, далеко не узкими, то талия казалась чересчур тонкой, рюмочной, а потому несовременной. Люда мыльными руками сдернула с кресла накидку и обернула тяжелую гобеленовую ткань вокруг талии. Вот так совсем другое дело! Ей надо ходить в длинных юбках, потому что в них она кажется почти такой же тонкой, как

Светлана ЛУБЕНЕЦ

Аринка Дробышева. Кстати, Аринка иногда приходит в школу в длинной узкой юбке с разрезом. Может быть, и ей, Люде, попробовать? Нет... Она и ходить-то в таких нарядах не умеет... И обувь нужна другая. И вообще, класс завалится в коллективный обморок, если она вдруг снимет джинсы и припрется в юбке с разрезом до бедра. Все сразу решат, что она это сделала специально для Исмаилова.

ГЛАВА 2

Бомба замедленного действия

Классная руководительница 9-го «А» с физико-математическим уклоном сидела перед директрисой и очень нервно оправдывалась:

— Ольга Константиновна, не мне вам объяснять, что мои дети — не гуманитарии! Сочинения — это не их профиль! Но они всегда участвуют в олимпиадах и по математике, и по физике, и по химии. И, заметьте, всегда получают кучу дипломов и грамот! А информатика! Уже несколько лет мои дети держат первые места по Петербургу! В этом году, думаю, мы вообще сразим комиссию наповал! Людочка Павлова, такая светлая головка, будущий гений программирования, придумала потрясающую компьютерную игру. Они с Кондратюком уже разрабатывают второй

Светлана ЛУБЕНЕЦ

уровень... или уже третий... Ну, неважно! Графика, конечно, не очень... Не художники они — это ясно... Зато все остальное, как сейчас говорят, — просто супер!

— И тем не менее, Антонина Петровна! — продолжала гнуть свою линию директриса, совершенно не вдохновившись компьютерными достижениями светлой головки Людочки Павловой. — Вы же знаете, что негуманитарные вузы в ближайшее время собираются изменить подход к экзамену по русскому и литературе. В стране развелось такое количество полуграмотных людей, что порой противно слушать дикторов Центрального телевидения, читать прессу и даже иногда — школьные учебники! А 9-й «А» — это наша гордость и надежда! Они должны успевать по всем предметам, и я настоятельно требую, чтобы они приняли участие в школьной олимпиаде по русскому языку и литературе. Вы же в курсе, что городская олимпиада имеет творческую секцию, куда дети представляют свои рассказы, эссе, стихи, наконец! Такие же конкурсы мы предусмотрели и в нашей школе. 8—9-е классы — самый расцвет школьной любви, и я не поверю, что никто в 9-м «А» не пишет о ней стихов!

Классная любовь

— Скорее писали! Раньше, когда были маленькими. Румянцев еще в пятом классе родил что-то вроде:

Леденит мальчишью кровь
Безответная любовь!

Кажется, так...

— Вот видите! Для пятого класса это почти что Пушкин! И я просто уверена, что сейчас Румянцев может сочинить что-нибудь и лучше!

— Ну нет, — усмехнулась руководительница 9-го «А». — Его нынешний жанр — это исключительно объяснительные записки, типа «Почему я плохо веду себя на уроке биологии»!

— Работать надо с детьми, Антонина Петровна! Поговорите с Юлией Владимировной, их учительницей русского! К концу недели вы вместе с ней просто обязаны выявить в 9-м «А» поэтов или прозаиков! Вот, видите, я записываю у себя на календаре, что в следующую среду жду вас с Юлией Владимировной у себя в кабинете со списком учащихся 9-го «А», которые примут участие в олимпиаде по русскому с литературой сначала в школе, а потом и в городе! Идите и работайте!

Светлана ЛУБЕНЕЦ

Антонина Петровна вышла из кабинета директора школы в очень удрученном состоянии. Где взять поэтов с прозаиками, если почти все ее девятиклассники серьезно занимаются математикой, ездят на подготовительные курсы колледжей и даже на малые факультеты вузов и у них почти совсем не остается свободного времени! Ну, ладно... Литература может еще и подождать, по крайней мере сегодня. Сейчас ей, Антонине Петровне, предстоит еще одно не менее неприятное дело: знакомство с новым учеником Сеймуром Исмаиловым и ввод его в коллектив 9-го «А» класса. На педсовете она выступала против такого странного, на ее взгляд, педагогического хода, когда в хороший класс намеренно суют проблемного подростка. И это уже не говоря о том, что он не сможет успевать за усложненной программой 9-го «А». Этот Сеймур — та самая ложка дегтя, которая способна испортить бочку меда. Она, Антонина, пестовала свой 9-й «А» уже пятый год, любила этих детей как своих собственных, и вот теперь ей подкладывают бомбу замедленного действия в виде Исмаилова, писаного красавца и, похоже, крупного негодяя.

Классная руководительница физико-мате-

Классная любовь

матического класса вздрогнула от звонка на урок, забежала в учительскую за журналом и поспешила на второй этаж к своему кабинету. Писанный красавец, негодяй и бомба замедленного действия стоял у окна рекреации и смиренно ждал ее. Антонина Петровна окинула его критическим взглядом. Да, высок, хорош собой. Чересчур хорош. Сказочно даже. Прямо Ратмир из «Руслана и Людмилы». Пожалуй, девчонки перестанут нормально учиться... Она подошла к новому ученику и положила руку ему на плечо. Исмаилов нервно дернулся, сбросил ее руку и опалил огненным взглядом ярких глаз. Антонина Петровна в ответ так же нервно дернулась и поняла, что ее ждут далеко не лучшие времена.

— Заходи, — сказала она, открыв дверь кабинета.

Исмаилов зашел в класс с независимым лицом и руками, сунутыми в карманы стильных черных штанов, названия которых Антонина Петровна не знала.

9-й «А» с интересом следил за учительницей и Сеймуром. По порозовевшим девчоночьим лицам и блестящим глазам, по настороженно прищуренным — мальчишеским классная руководительница поняла, что все

уже были в курсе перевода Исмаилова и ждали их прихода.

— Вот, — Антонина Петровна кивнула на бомбу замедленного действия, уже не решаясь положить ему руку на плечо, — в нашем классе теперь будет учиться Сеймур Исмаилов.

— Да ну?! — не утерпел Румянцев. — А он таблицу умножения-то хоть знает?

Класс весело хохотнул.

— Шестью восемь — сорок восемь, шестью шесть — тридцать шесть, — процедил сквозь зубы Исмаилов и смерил его презрительным взглядом.

— Молодец! — похвалил Румянцев, совершенно не прореагировав на выразительный взгляд Сеймура. — Жаль, забыл, что пятью пять — двадцать пять!

— А я тебя проверял, — не остался в долгу Исмаилов.

— Хватит заниматься ерундой! Не в детском саду! — раздраженно прервала их классная руководительница и подумала, что, скорее всего, теперь постоянно будет находиться в подобном состоянии раздражения. — Садись, Сеймур, к Люде Павловой. Видишь, на предпоследней парте свободное место!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
СНОГСШИБАТЕЛЬНАЯ НОВОСТЬ	5
Глава 2	
БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ	23
Глава 3	
СТАРТ КРУПНОМАСШТАБНОЙ ЛЮБОВНОЙ АТАКИ	48
Глава 4	
«ПТИЧКА ПЕВЧАЯ» И КУБИК РУБИКА	68
Глава 5	
«МЕЧТЫ, МЕЧТЫ, ГДЕ ВАША СЛАДОСТЬ?».	94
Глава 6	
ВСЕ ТАЙНОЕ КОГДА-НИБУДЬ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ	118
Глава 7	
ЛЮБОВЬ ПОБЕЖДАЕТ ВСЕ	137
Глава 8	
ВЗЯТИЕ «ИСМАИЛА»	152
Глава 9	
«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»	170